

И.М. Угрин

Рецензия на книгу «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография» (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

Ivan M. Ugrin

Review of the book “Civilization mission of Siberia: from technogenic-consumer to spiritual-ecological strategy of global and regional development: monograph” (group of authors; ed. by A.V. Ivanov). Barnaul: Novi format, 2022. 368 p.

Российское могущество прирастать
будет Сибирью...
М.В. Ломоносов

В рецензии на коллективную монографию (под ред. А.А. Иванова) «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития» проанализирована главная идея книги на предмет ее рациональной обоснованности, раскрыто содержание основных разделов книги, рассмотрены сильные и слабые стороны используемой методологии. Данная монография представляет из себя цельное научное исследование, посвященное вопросам стратегического развития Сибири в контексте более общей проблематики глобального развития. Авторы исходят из положения о необходимости замены глобалистской модели техногенно-потребительской цивилизации на модель духовно-экологической (ноосферной) цивилизации. Такой взгляд весьма интересен и позволяет прийти к неожиданным выводам.

Ключевые слова: российская цивилизация, Сибирь, стратегии развития, евразийство, глобальное и региональное, мегапроекты, Большая Евразия, духовно-экологическая цивилизация, альтернатива.

In the review of the collective monograph “The Civilizational Mission of Siberia: from a Technogenic-Consumerist to a Spiritual-Ecological Strategy for Global and Regional Development” (edited by A.A. Ivanov), the main idea of the book was analyzed for its rational justification, the content of the main sections of the book was revealed, and the strengths and weaknesses of the used methodology were considered. This monograph represents a comprehensive scientific study devoted to issues of strategic development of Siberia in the context of the more general problem of global development. The authors proceed from the position of the necessity to replace the globalist model of a technogenic-consumerist civilization with a model of a spiritual-ecological (noospheric) civilization. Such a view is very interesting and allows for unexpected conclusions.

Keywords: Russian civilization, Siberia, development strategies, Eurasianism, global and regional, megaprojects, Greater Eurasia, spiritual-ecological civilization, alternative.

Вопрос о глобальном развитии тесным образом связан с вопросом о региональном развитии. Рассматривая проблему развития крупных сообществ, – имперских, национальных, цивилизационных, федеративных, – мы сталкиваемся с проблемой развития отдельных региональных обществ внутри этих крупных образований. Их место и значение в контексте проблемы глобального развития может различаться. Так, к примеру, роль жителей столиц, как правило, в истории стран более значима, чем жителей провинций. Не потому, что жители столиц всегда отличаются в лучшую сторону по своим человеческим качествам от жителей провинций, а потому что они оказываются ближе к институтам управления и принятия государственных решений. Особенно большое значение это различие приобретает в переломные моменты истории. Вспомним о роли жителей Парижа в Великой французской революции или жителей Петрограда в Русской революции 1917 г. Но взаимосвязь между центром и периферией сложнее, чем кажется. Отдельные регионы, далекие от центра, в силу сложившихся обстоятельств могут стать фокусом собирания новых сил для реализации нового исторического проекта. Так, в свое время Москва, бывшая небольшим городком Северо-Восточной Руси, смогла в новых исторических условиях выступить форпостом сопротивления и точкой сопряжения народных сил для перестройки русской государственности на других основаниях. В этом ракурсе вполне уместно ставить вопрос о возможности появления геолокального центра в современной России, далеко отстоящего от Москвы, вокруг которого начнут происходить процессы пере-собираания, пере-создания российской цивилизации на новых культурных началах.

Имея в виду такой угол зрения, обратимся к монографии коллектива сибирских ученых под названием «Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития». Исходя из самого названия, видно, что Сибирь как отдельный макрорегион внутри федеративного государства рассматривается с позиций цивилизационного подхода. Этот подход соединяется с характерной

для русской политической культуры идеей мессианизма. Сибирь имеет важную миссию, которая в широком смысле является миссией не только Сибири, но и всей России. «Центральная идея книги – обоснование ключевого положения Сибири в переходную эпоху от нынешней, пребывающей в глубоком системном кризисе техногенно-потребительской – к новой духовно-экологической цивилизации». В сегодняшних обстоятельствах именно Сибирь представит как тот локус, в котором, согласно утверждению авторов книги, может или должно происходить наиболее явное выражение мессианских устремлений русского и других народов нашей страны. В данной статье мы постараемся в ходе анализа содержания названной монографии найти ответ на вопрос: удалось ли авторам осуществить рациональное обоснование этой идеи или нет.

Книга состоит из двух больших разделов. Первый называется «Сибирь в процессе перехода от техногенно-потребительской к духовно-экологической цивилизации». В этом разделе ставится вопрос о необходимости цивилизационной трансформации России и всего мира, а также раскрывается понимание той миссии, которая возложена на Сибирь в этом процессе. Развитие Сибири рассматривается как один из стратегических геопроектов российской цивилизации и одновременно с этим как ядро глобального проекта переустройства мира, контуры которого обозначены в общих чертах в проекте Большой Евразии.

Первый раздел состоит из четырех глав. Второй раздел называется «Сибирский социум: проблемы, предпосылки и факторы перехода к новой цивилизации». В этом разделе анализируется потенциал сибирского социума в контексте стратегических проектов глобального и регионального развития. Данному анализу посвящены 5–10 главы монографии. Обозначенная в них тема раскрывается через ракурсы этносоциальной динамики, ценностных предпочтений, духовно-экологических традиций, высшего образования и сибирского искусства. Каждая глава содержательна и может привлечь внимание тех, кто интересуется историей России и нынешним состоянием дел в сибирском регионе.

Такое разделение на два объемных блока в пределах одной монографии, на наш взгляд, весьма оправдано и служит поставленной цели: исследованию культурных особенностей Сибири и выявлению ее духовно-эколого-социального потенциала с точки зрения перспектив предполагаемых глобальных цивилизационных трансформаций. Рассмотрим содержание каждого из разделов более детально.

Сибирь как локус духовно-экологической цивилизации

Концепция духовно-экологической (ноосферной) цивилизации была разработана А.В. Ивановым, И.И. Фотиевым, М.Ю. Шишиным (являющимися

членами авторского коллектива данной монографии) в прежних научно-философских работах. К их числу относится не менее пяти коллективных монографий [2; 3; 4; 5; 6]. Осмысление концепции ноосферной цивилизации представлено автором этой рецензии в статье «В поисках Новой России: размышления о концепции духовно-экологической цивилизации (А.В. Иванова, И.В. Фотиевой, М.Ю. Шишина)» [7]. Заинтересованных в целом понимании этой оригинальной новаторской концепции цивилизационного развития отсылаю к указанным работам. Здесь же лишь пунктирно обозначим главные черты новой цивилизации, которая, как предполагают авторы, должна появиться вначале в Сибири, а потом и во всей России.

Это, во-первых, *экологичность*, понимаемая в широком смысле слова как приоритет ценности «гармонии отношений между человеком, обществом и природой» над ценностью ускоренного научно-технического прогресса и увеличения количественных показателей производства материальных благ. Во-вторых, это *метакультурный синтез*, который подразумевает преодоление противоречий между наукой, религией, философией и искусством как особыми формами познания за счет нахождения единства их в свете ясного разграничения относительной и абсолютной истины в их объективном и субъективном выражении. В-третьих, это *новый гуманизм*, постулирующий принцип непрерывного бесконечного духовно-нравственного совершенствования человека как высший смысл его существования. В четвертых, это утверждение института интегративного государства как *государства правды*, которое авторы концепции наследуют от классиков евразийской историософии (данная идея была развита в работах М.В. Шахматова, Н.Н. Алексеева, П.Н. Савицкого). В отличие от правового государства, *государство правды*, или *гарантийное государство* (термин Н.Н. Алексеева) главной задачей своей ставит не соблюдение формальных прав и свобод индивида, а обеспечение условий для всестороннего развития человека и в первую очередь его духовной самореализации; обеспечение прав и свобод в этом контексте признается как одна из важных задач, но далеко не единственная. Остается только добавить, что такое государство правды в случае его появления должно иметь с самого начала не региональный, а общероссийский статус, а не наоборот. В концепции духовно-экологической цивилизации немало и других интересных и, наверное, дискуссионных положений и концептуальных находок, но названных принципов достаточно, чтобы в самых общих чертах понять ее суть. Какое же отношение к проблеме построения новой цивилизации имеет вопрос о перспективах регионального развития Сибири?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к той методологии, которую используют авторы монографии.

«Прежде всего, следует зафиксировать нашу исходную методологическую посылку: нет никаких оснований, развивая концепцию Большой Евразии, отказываться от классического цивилизационного выделения на географическом пространстве евроазиатского континента (или Старого Света) трех мегацивилизаций (или, в другой терминологии, культурно-географических миров): Запада, Северной (или Внутренней) Евразии и Востока» [9, с. 16].

Северная (или Внутренняя) Евразия – это российская цивилизация. То есть авторы понимают Россию не просто как государство-цивилизацию или как одну локальную цивилизацию наряду с другими (такими, как китайская цивилизация, западная, индийская, исламская, возможно, латиноамериканская и японская), а как одну из трех мегацивилизаций. Такое понимание придает России особую историческую значимость. Сибирь же (и в особенности Алтайский регион) как географический центр России, а значит и центр одной из трех мировых мегацивилизаций, выступает здесь в качестве средоточия цивилизационных чаяний. Образ развития Сибири может стать прообразом развития всей России, а сам сибирский регион центром, в котором будут сосредоточены усилия лучших умов страны, для чего следует учредить в Сибири третью столицу [Там же, с. 93–94]. Развитие Сибири даст импульс для трансформации российской цивилизации, а через нее, в свою очередь, этот импульс перейдет к другим странам мира. Следует признать, что в этом представлении есть последовательность, своя логика.

Тем не менее, на наш взгляд, исходная посылка недостаточно глубоко осмыслена. Все-таки говорить о том, что классическим пониманием цивилизационной сущности России является понимание ее как мегацивилизации, сопоставимой только с Западом и Востоком, но не с отдельными локальными цивилизациями, кажется большой натяжкой.

Прежде всего, давайте подойдем к этому положению с вопроса о численности населения. Численность населения стран, относимых к западному миру, в совокупности более 1 миллиарда человек. Численность населения Китая (который с точки зрения авторов является только частью мегацивилизации Востока) составляет 1 427 миллионов человек. Численность населения Индии (которая тоже сама по себе (в отличие от России!) не является мегацивилизацией) – 1 436 миллионов человек. Численность населения стран исламского пояса в совокупности более 1 миллиарда человек. Численность населения России составляет 147 миллионов человек, численность населения стран Евразийского союза в совокупности составляет около 185 миллионов человек. Таким образом, если смотреть на численность населения, то Россия в этом отношении сопоставима, скорее, с Бангладешем (171 млн человек) или с Мексикой (133 млн человек), чем с Западом или Востоком, или такими частями Востока, как Китай или Индия.

Посмотрим на вышеназванную методологическую посылку через призму вопроса о вкладе в мировую экономику. По данным МВФ (российские власти эти данные нигде не оспаривали) доля России от мировой экономики в последние годы колеблется в пределах от 2 до 3%. Доля Китая (который является только частью мегацивилизации Востока!) составляет около 1/5 мировой экономики, доля США, по разным оценкам, колеблется в пределах от 20% до 25% мировой экономики (а США – это тоже ведь только часть мегацивилизации Запада!). Здесь, к слову, стоит заметить, что доля СССР в мировой экономике в начале 1970-х гг. (на пике своего развития) составляла от 11 до 13%. Очевидно, что по экономическому показателю охарактеризовать современную Россию (и даже СССР) как мегацивилизацию тоже вряд ли возможно.

Возьмем еще один показатель. Культура распространяется посредством языка. Благодаря языку мы осваиваем определенные ценности, проникаемся смыслами и обучаемся навыкам мышления, типы которого отличаются в зависимости от цивилизационной специфики (А.В. Смирнов объясняет эти отличия, используя понятие «тип рациональности»). По числу носителей языка (людей, свободно говорящих на данном языке) на первом месте оказывается английский, около 1,3 миллиарда человек, за тем следует мандаринское наречие китайского языка, около 1,1 миллиарда, на третьем месте хинди, около 600 миллионов человек. Английский язык, с определенными оговорками, можно назвать языком западной цивилизации, мандаринское наречие китайского и хинди – соответственно, языками китайской и индийской цивилизаций. Носителями русского языка являются 258 миллионов человек. По этому показателю он сопоставим с португальским и французским (изначально европейскими языками, т.е. теми языками, которые согласно концепту мегацивилизаций, не обладают самостоятельной цивилизационно образующей силой). Как мы видим, и по этому показателю приставка *мега* в отношении России не кажется оправданной.

Конечно, количественные показатели – не единственные показатели, и, быть может, не главные, если мы рассуждаем о цивилизационных особенностях. Однако все-таки их нельзя не учитывать. А в том случае, если мы отвергаем их в качестве одного из критериев, показывающих цивилизационную состоятельность того или иного региона мира, следует четко обозначить другой критерий, по которому мы проводим разделительную линию. Судя по всему, таковым для авторов монографии является критерий пространства. Действительно, Россия по территориальному показателю является самой большой страной на планете. И, кроме того, во многих отношениях она занимает очень удачное географическое положение, выступая неким средоточием всех взаимодействий между разными цивилизациями. В этом смысле мы можем говорить о том, что Россия является мостом, связующим центром между Востоком и Западом.

Однако старое деление на Восток и Запад, в большей степени характерное для мыслителей XIX и начала XX столетий, на наш взгляд, требует существенного переосмысления. Тогда такое деление означало, прежде всего, разделение по критерию *степени модернизованности*, а также противопоставление, наряду с уровнем научно-технического развития, «нового» европейского образа жизни традиционному (азиатскому). В XXI столетии многие восточные общества (к примеру, японское и южнокорейское) в этом отношении ничуть не менее современны, чем западные, при этом они не стали по своему образу жизни чисто европейскими, но сохранили ряд своих специфических черт.

Те общие черты, которые выделяются авторами монографии как общие для стран Востока: «...восточная мегацивилизация характеризуется рядом общих культурных, политических и ментальных черт. К ним можно отнести культурный традиционализм, особое почитание семьи и родственных отношений, особую роль централизованного государства в жизни общества, глубокую религиозность, коллективистские идеалы общежития, наличие сильной интуитивно-мистической составляющей в религиозных и философских представлениях, а также меньшую, по сравнению с Европой, склонность (за исключением исламской цивилизации и Японии) к насильственно-силовому решению политических проблем и к идейной конфронтации» [9, с. 19], – на наш взгляд, можно рассматривать как широко распространенный в литературе нарратив, как повествование. Названная совокупность черт, также их полнота требуют сегодня более строгого теоретического объяснения. К примеру, трудно принять утверждение о более глубокой религиозности современного китайца в сравнении с норвежцем. Или о большей роли централизованного государства в жизни индийского общества в сравнении с американским.

В общем, можно сказать, что дифференциация мегацивилизаций на Восток, Запад и Россию (Северную Евразию) требует дальнейшего обсуждения с позиций цивилизационного подхода, который, впрочем, авторы книги активно и творчески используют для достижения целей проводимого исследования. Если Россия понимается как локальная цивилизация, сопоставимая с другими локальными цивилизациями (кстати, именно такое понимание было у Н.Я. Данилевского, на которого авторы ссылаются как на одного из классиков), вполне уместно поставить вопрос о значении Сибири для цивилизационного развития России. Такая постановка вопроса не отменяет того предположения, что Сибирь может сыграть одну из решающих ролей не только для возрождения российской цивилизации, но и для глобального развития. Но все же представляется несомненным то, что без этого этапа – трансформации России как целого (а не только отдельно взятого ее региона) – не получится выстроить стратегию глобального развития, в которой Россия, конечно, способна сыграть ведущую роль, но не роль мегацивилиза-

ции, а роль первого среди равных, одного из пяти или шести центров мирового развития. Мы полагаем, что следует постараться избежать географического детерминизма. Пространственный фактор имеет большое значение, но еще большее значение имеет человеческий фактор. То, как люди мыслят, видят свое будущее, воплощают свои замыслы, взаимодействуют друг с другом и окружающей средой.

В контексте проблемы цивилизационного развития современной России, на наш взгляд, можно согласиться с авторами в том, что «интенсивное развитие Сибири как стратегического и уникального евразийского региона есть одновременно и важнейшее условие опережающего интенсивного развития всей России» [9, с. 53]. Сибирь – это уникальная природно-географическая зона, обильно наполненная ресурсами, освоенными и сейчас лишь в незначительной степени. Очень важно суметь перейти к политике экологичного освоения и использования этих ресурсов и не нарушить сложную экосистему региона. Тогда этот регион сможет послужить в качестве заповедного (в широком смысле слова) региона для всей планеты, способного поддерживать ее биологический и климатический баланс, так востребованный в настоящую эпоху. Кроме того, как справедливо замечают авторы, «Сибирь, особенно ее юго-западный регион с элитными черноземами, призвана стать важным фактором обеспечения продовольственной безопасности страны и мировым центром производства экологически чистого продовольствия» [Там же, с. 91]. Под призыванием здесь, вероятно, имеется в виду наличие практически всех необходимых элементов для решения данной задачи. Ключевым же элементом, однако, в данных обстоятельствах является политическая воля руководства страны.

Еще более важным видится создание условий для разностороннего развития человека. Налаживание региональной инфраструктуры, а также обеспечение привлекательного образа жизни в городах и селах Сибири для молодого поколения. Для этого потребуются также осуществить ряд государственных мер. Да, именно общегосударственных. Без государства как стержневого института российской цивилизации развитие такого большого региона, как Сибирь просто не мыслится реалистичным. Конечно, это требует значительных финансовых вложений, но дело не только в них. Прежде всего, необходима комплексная программа развития, которая сделала бы такие вложения оправданными и поддающимися для отслеживания целесообразности трат (государственные вложения в отдельные программы происходят и сейчас, но комплексный подход на данный момент отсутствует).

Согласимся и в том, что при составлении такой программы принцип кооперации и взаимной дополнительности экономик и ресурсов сибирских регионов должен быть, безусловно, предпочтен принципу конкуренции [Там же, с. 89]. А также в том, что в первую очередь необходимо позаботить-

ся о молодежи, о качестве предоставляемого образования и социальной базе, в том числе льготах и преференциях, которые бы прекратили отток наиболее талантливой молодежи из Сибири в Центральную Россию [9, с. 90]. Конечно, этот вопрос напрямую связан с вопросом о востребованности на сибирском рынке труда высококвалифицированных хорошо оплачиваемых специалистов. Учитывая количество ресурсов, а значит, гипотетически рентабельных хозяйственных и культурных проектов на территории Сибири, такая востребованность по мере действительного осуществления их должна расти. Но, повторимся, без политической воли и государственной поддержки большие проекты останутся лишь фантазиями. Нужна интенсификация развития, ведь «консервация экстенсивно-сырьевого уклада в Сибири губительна не только для нее самой, но является серьезной угрозой для существования России как великой мировой державы» [Там же, с. 57]. Однако другого субъекта, способного взяться за полномасштабные проекты, кроме государства, нет. Но стоит ли во всем полагаться на государство?

Проблемы и перспективы цивилизационного развития сибирского социума

Во втором разделе книги авторы исследуют современное состояние сибирского общества, а также генезис процессов, приведших его к этому состоянию. Они задаются вопросами о том, «каково нынешнее состояние сибирского социума, и есть ли у него достаточный субъектный, социо- и этнокультурный потенциал для актуализации обоснованного выше объективного цивилизационного потенциала?», о том, «кто может выступить в роли реального актора цивилизационных трансформаций в Сибири, и насколько ценности новой цивилизации разделяются сибиряками, особенно молодым поколением?» [Там же, с. 111] и рядом других.

В 5 главе исследуется этносоциальная динамика сибирского социума. Исходя из результатов проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что в целом в Сибири сохраняются традиции мирного сосуществования различных этнических групп. Принцип «интеграция без ассимиляции», которому следовала власть и в дореволюционный, и в советский периоды истории дал положительные плоды. При этом стоит подчеркнуть, что миграционные потоки шли достаточно интенсивно. Без всякого сомнения, это серьезным образом влияло на коренные сообщества. Однако их трансформация шла по преимуществу ненасильственным путем. В этом заключается большая заслуга русского народа, который служил тем «интегратором», который приносил культуру, но не навязывал свой образ жизни. К сожалению, в последние десятилетия происходит сжатие русского массива и увеличение в процентном отношении численности многих коренных народов Сибири. Глав-

ной причиной этого является отток славянского населения из сибирского региона в центральную Россию. Верно отмечается, что «особенности отдельной цивилизации определяются составом и своеобразием культуры входящих в нее народов (этносов)» [9, с. 112]. Ядром евразийской (русской) цивилизации была и остается русская культура, поэтому без ее возрождения, без возвращения к традиционным для нее ценностям и культура других близких по духу к русским народам оказывается под угрозой.

Тема традиционных ценностей поднимается в 6 главе. Эта глава, на наш взгляд, особенно интересна. Напомним, что 9 ноября 2022 г. был издан Указ Президента РФ «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В этом указе к традиционным ценностям отнесены «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России». Монография вышла до издания данного указа. Но тот список ценностей, которые ее авторами именуется традиционными¹, во многом перекликается с перечисленными в Указе Президента. Среди них (иногда немного в другой формулировке): коллективизм, единство народов России, патриотизм, взаимопомощь и взаимоуважение, приоритет духовного над материальным, созидательный труд, крепкая семья. Сама 6 глава называется «Духовно-экологический ценностный потенциал населения Сибири».

Авторы констатируют тот факт, что в ходе цивилизационных изменений в постсоветской России образовался «феномен полиментальности, включающий в себя в качестве составных компонентов просоциалистическую, индивидуалистическую, религиозную, криминальную ментальность, а также так называемую псевдоментальность» [Там же, с. 147]. Характерной чертой последней, широко распространенной среди молодежи, является мозаичность, эклектичность ценностных ориентаций. Но и в этих сложных противоречивых условиях, как показали социологические исследования, евразийский социокультурный потенциал не исчерпал себя. Так, среди большинства сибиряков была выявлена «крайне негативная оценка социальных последствий либерально-рыночных трансформаций со стороны как всего населения, так и экспертного сообщества» [Там же]. Коллективизм оказался ближе 2/3 респондентам. В том числе предпочтение отдается коллективной форме собственности в сравнении с частной, а также взаимопомощи и чувству коллективной солидарности в сравнении с индивидуализмом и личной делови-

¹В качестве синонима они иногда используют понятие «евразийские ценности».

тостью [9, с. 151]. Сказанное относится не только к ценности коллективизма, но и к другим евразийским ценностям, цифры разнятся, но в целом их преобладание не вызывает сомнения.

Интересно и то, что если рассуждать не об отдельно взятых ценностях, а о системе ценностей, их восприятия среди опрашиваемых, то приверженцев системы западных ценностей оказывается еще меньше. То есть если отдельная взятая ценность (например, личной свободы или предпринимательской инициативы) может в процентном соотношении иметь достаточно большое количество сторонников, то целостное восприятие иерархии ценностей чаще всего включает в себя евразийские ценности, которые занимают одну из первых позиций. Тот же вывод и в этносоциологическом измерении: «западные ценности ни для одного из обследуемых народов не являются преобладающими» [Там же, с. 134].

Показательно, что и среди молодого поколения, несмотря на то, что степень приверженности западным смыслам среди них более высока, в целом констатируется предпочтение традиционным ценностям, таким как «семья, дружеские отношения с соседями, друзьями, коллегами, хорошее образование, достойная профессия, экологически благоприятная природная среда (от 80% до 90% респондентов считают для себя важным каждый из выделенных показателей)» [Там же, с. 168]. При этом многие из них отмечают, что помимо чувства национальной и российской идентичности, для них важно ощущать себя «гражданами мира», т.е. быть сопричастными к происходящему в мире. Такое мироощущение не тождественно космополитизму в западной его интерпретации, а свидетельствует, скорее, об евразийском мироощущении братства народов.

Однако, несмотря на представленные результаты, мы должны ясно давать себе отчет, что кризисные тенденции в сибирском обществе (равно как и в целом российском) не преодолены. В связи с этим хотелось бы высказать одно соображение, которое позволит прояснить ситуацию, при которой, несмотря на предпочтение традиционных ценностей западным, в действительности общество оказывается во многом устроено по моделям той культуры, которая не принимается. Недостаточно формального количественного преобладания сочувствующих приверженцев той или иной системы ценностей для того, чтобы эта система ценностей стала основополагающим каркасом для воспроизводства цивилизации. Система ценностей должна быть проявлена в повседневной активности человека. Другими словами, необходимо ценностно-ориентированное целеполагание. Нравственные ценности и жизненные цели должны соответствовать друг другу. Ценностям должны соответствовать цели не только долгосрочные, но и средние и краткосрочные. Такое соотношение требует от человека личной ответственности и воли, готовности к преодолению трудностей для достижения

поставленных ценностно-значимых целей. Сила воли и чувство ответственности образуются в процессе воспитания и самовоспитания. Именно здесь, на наш взгляд, кроется то слабое место, на которое стоит обратить самое пристальное внимание.

Тот факт, что жители Сибири в большинстве своем сочувствуют традиционным ценностям, еще не означает, что сибирский социум живет согласно этим ценностям. Отдельные представители социума, достаточно активные, целеустремленные, порой способны определять, вопреки общему настроению, вектор его движения. Не стоит преуменьшать значение приверженцев западных ценностей. Только реализация больших проектов, в основе которых будут положены евразийские принципы содружества, коммуитаризма и справедливости, создадут действительную, а не воображаемую, альтернативу постмодернистскому образу жизни. Благопожелания недостаточно, необходимо действие. Созидательное действие в рамках общего дела. Так будет происходить преобразование человека.

Даже в малых группах возможно апробирование альтернативных подходов, имеющих цивилизационное значение. На наш взгляд, возможно не только движение сверху (от распоряжения Президента к народному сознанию), но и движение снизу. Более того, последнее даже предпочтительней. От малых общин, кооперативных сообществ может исходить энергия, которая постепенно захватит вышестоящие уровни социальной пирамиды. Так, в качестве «поднимающего волну» социального актора способна выступить, к примеру, частная школа, демонстрирующая оригинальную систему педагогики, помогающая детям развиваться гармонично. Или коллектив небольшого предприятия, выпускающего востребованную на рынке высококачественную экологичную продукцию.

Кроме исследований этносоциальной динамики и аксиологических особенностей сибирского социума, во втором разделе монографии раскрываются особенности сибирского искусства, очерчиваются перспективы развития сельского хозяйства Сибири, акцентируется внимание на важности традиций сельского жизни в контексте парадигмы духовно-экологической цивилизации, показывается значение сибирского просветительства и высшей школы. Все эти темы заслуживают того, чтобы обратиться к ним, погрузиться в материал. Для незнакомых со спецификой сибирского региона такое погружение станет обогащающим познавательным процессом, а для знакомых с ней оно поможет лучше понять особенности развития исторической и современной Сибири.

Заключение

Удалось ли авторам обосновать главную идею своей книги, а именно, *ключевые положения Сибири в переходную эпоху от нынешней, техногенно-потребительской к новой духовно-экологической цивилизации?* На наш взгляд, много сказано в обоснование этой идеи, но оно далеко еще от завершения. Важно обратить при этом внимание на определенного рода условия или оговорки для достижения поставленной задачи. У Сибири как локального региона есть все необходимое для того, чтобы сыграть важную роль в переходную эпоху цивилизационных трансформаций. Авторам монографии удалось это показать и обосновать. Однако сумеет ли сибирский социум активировать свой духовно-культурный потенциал, научится ли использовать те природные ресурсы, которыми изобилует сибирская земля, осмотрительно и разумно, сможет ли он привлечь средства российского государства для реализации крупномасштабных проектов, и тем самым обеспечить цивилизационный прорыв, – это вопрос, ответ на который даст только история. Думается, если сами сибиряки возьмутся за осуществление цивилизационной миссии, которую они сами же на себя возложат, не ожидая что кто-нибудь это сделает за них, тогда Сибирь, возможно, станет центром новой ноосферной цивилизации. Не следует забывать главного, цивилизации творятся люди. С таким осознанием и верой в собственные силы возможно все.

Угрин Иван Михайлович – кандидат политических наук, научный сотрудник сектора философских проблем политики Института философии РАН. 109240, Россия, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Ivan M. Ugrin – Ph.D. in Political Sciences, Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 109240, 12/1 Goncharnaya str., Moscow, Russia.
ivan_ugrin@mail.ru

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство. «Русский народ и государство». М.: Аграф, 2003. С. 169–186. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/A/Alekseev/state.html> (дата обращения: 12.02.2023).
2. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Скрижали метаистории: творцы и ступени духовно-экологической цивилизации. Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова; Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2006. 640 с.
3. Иванов А.В. Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты: монография / А.В. Иванов, Ю.В. Попков, Е.А. Тюгашев, М.Ю. Шишин. Барнаул: Азбука, 2007. 243 с.
4. Иванов А.В. Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы: монография / А.В. Иванов, И.В. Фотиева, М.Ю. Шишин. 2-е изд., испр. Барнаул: Изд-во АГАУ, 2010. 133 с.

5. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. Человек восходящий: философский и научный синтез «Живой Этики». Барнаул: Изд-во Фонда «Алтай – 21 век», 2012. 512 с.
6. Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю. На путях к новой цивилизации (очерки духовно-экологического мировоззрения). Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2014. 219 с.
7. Угрин И.М. В поисках Новой России: размышления о концепции духовно-экологической цивилизации (А.В. Иванова, И.В. Фотиевой, М.Ю. Шишина) // Философская мысль. 2023. № 2. С. 26–49. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39752 EDN: DIALMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39752 (дата обращения: 03.04.2023).
8. Русский мир как цивилизационное пространство / Российская акад. наук; Ин-т философии РАН; Фонд «Русский мир»; ред.-сост. А.Ф. Яковлева. М.: ИФ РАН, 2011. 301 с.
9. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития: монография (коллектив авторов; под ред. А.В. Иванова). Барнаул: Новый формат, 2022. 368 с.

References

1. Alekseyev N.N. Yevraziytsy i gosudarstvo. «Russky narod i gosudarstvo». М.: Agraf, 2003. S. 169–186. URL: <http://www.hrono.ru/proekty/russia/Author/Russ/A/Alekseev/state.html> (access date: 12.02.2023).
2. Ivanov A.V., Fotiyeva I.V., Shishin M.Yu. Skrizhali metaistorii: tvortsy i stupeni dukhovno-ekologicheskoy tsivilizatsii. Barnaul: Izd-vo AltGTU im. I.I. Polzunova; Izd-vo Fonda «Altay – 21 vek», 2006. 640 s.
3. Ivanov A.V. Yevraziystvo: klyuchevye idei, tsennosti, politicheskiye priority: monografiya / A.V. Ivanov, Yu.V. Popkov, E.A. Tyugashev, M.Yu. Shishin. Barnaul: Azbuka, 2007. 243 s.
4. Ivanov A.V. Dukhovno-ekologicheskaya tsivilizatsiya: ustoi i perspektivy: monografiya / A.V. Ivanov, I.V. Fotiyeva, M.Yu. Shishin. 2-e izd., ispr. Barnaul: Izd-vo AGAU, 2010. 133 s.
5. Ivanov A.V., Fotiyeva I.V., Shishin M.Yu. Chelovek voskhodyashchiy: filosofskiy i nauchny sintez «Zhivoy Etiki». Barnaul: Izd-vo Fonda «Altay – 21 vek», 2012. 512 s.
6. Ivanov A.V., Fotiyeva I.V., Shishin M.Yu. Na putyakh k novoy tsivilizatsii (ocherki dukhovno-ekologicheskogo mirovozzreniya). Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2014. 219 s.
7. Ugrin I.M. V poiskakh Novoy Rossii: razmyshleniya o kontseptsii dukhovno-ekologicheskoy tsivilizatsii (A.V. Ivanova, I.V. Fotiyevoy, M.Yu. Shishina) // Filosofskaya mysl. 2023. № 2. S. 26–49. DOI: 10.25136/2409-8728.2023.2.39752 EDN: DIALMM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39752 (access date: 03.04.2023).
8. Russky mir kak tsivilizatsionnoye prostranstvo / Rossiyskaya akad. nauk; In-t filosofii RAN; Fond «Russky mir»; red.-sost. A.F. Yakovleva. М.: IPH RAN, 2011. 301 s.
9. Tsivilizatsionnaya missiya Sibiri: ot tekhnogenno-potrebitelskoy k dukhovno-ekologicheskoy strategii globalnogo i regionalnogo razvitiya: monografiya (kollektiv avtorov; pod red. A.V. Ivanova). Barnaul: Novy format, 2022. 368 s.